

УДК 930.23/930.24

DOI: 10.18384/2310-676X-2023-1-123-134

ФЕНОМЕН ДВОЕВЛАСТИЯ В РОССИИ В 1917 Г. В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Яковлев Н. А.

*Московский государственный областной педагогический университет
141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Проанализировать, представленное в англоязычной историографии объяснение сложившегося в России в 1917 г. феномена политического двоевластия, обобщив и сопоставив позиции различных научных направлений.

Процедура и методы. С помощью сравнительно-исторического метода, принципов объективизма и историзма исследованы представленные в зарубежной историографии концепции причин появления и эволюции политического двоевластия в России в 1917 г.

Результаты. Сопоставлены точки зрения и подходы к проблеме феномена двоевластия в России в 1917 г. двух основных англоязычных научных направлений – «тоталитаристского» и «ревизионистского». Выявлены их различия и схожести в вопросах причин появления, содержания, хронологии двоевластия в России.

Теоретическая и/или практическая значимость. Анализ англоязычных исследований, посвящённых проблемам организации власти в 1917 г. позволяет сопоставить точки зрения представителей различных научных направлений, что, в свою очередь, даёт возможность устранить разночтение понятия «двоевластия», дать хронологию его эволюции и представить историографию по данной тематике в полном объёме.

Ключевые слова: двоевластие, Временное правительство, Петроградский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, англоязычная историография

THE PHENOMENON OF DUAL POWER IN RUSSIA 1917 IN ENGLISH-LANGUAGE HISTORIOGRAPHY

N. Yakovlev

*Moscow Region State Pedagogical University
ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To analyze the explanation presented in English-language historiography of the political dual power phenomenon that developed in Russia in 1917, summarizing and comparing the positions of various scientific directions.

Methodology. Based on the comparative historical method and the principles of objectivism and historicism, to investigate the concepts presented in foreign historiography of the causes of the emergence and evolution of political dual power in Russia in 1917.

Results. The author compares points of view and approaches to the problem of the dual power phenomenon in Russia in 1917 of two main English scientific directions – “totalitarian” and “revisionist”.

Their differences and similarities in the issues of the reasons for the appearance, content, and chronology of dual power in Russia in 1917 are revealed.

Research implications. The analysis of English-language studies (“totalitarian” and “revisionist” scientific directions) devoted to the problems of the organization of power in 1917 makes it possible to compare the points of view of representatives of various scientific directions, which in turn makes it possible to eliminate the discrepancy in the concept of “dual power”, to give a chronology of its evolution and to present historiography on this topic in full.

Keywords: Dual power, Provisional Government, Petrograd Soviet of Workers’, Soldiers’ and Peasants’ Deputies, English-language historiography

Введение

Зарубежные историки признают факт существования в России политического двоевластия 1917 г., хотя само его определение достаточно противоречиво. Особенностью зарубежной историографии по революционному периоду является то, что она возникла как рефлексия на холодную войну, т. е. имела конкретное политическое основание – необходимость изучения истории СССР как геополитического противника для выработки адекватной стратегии борьбы с ним. Но зарубежная историография неоднородна, представители, например, англоязычной историографии – последователи либо т. н. тоталитарного или т. н. ревизионистского направлений – предлагают своё толкование феномена политического «двоевластия» в России 1917 г., причин его появления, хронологии, последствий и проч. Сопоставление различных научных позиций даёт возможность для более углублённого и всестороннего анализа проблемы.

Актуальность заявленной темы для исследования заключается в том, что сегодня, в условиях так называемых «войн памяти», важно обращение к зарубежной историографии, освещающей не только вопросы истории России, но и эволюции российской власти, особенно в условиях интегрального социально-политического кризиса. Подобное обращение даст возможность всесторонне изучить позиции исследователей различных научных направлений.

Предметом статьи выступают работы англоязычных исследователей, изучаю-

щих в конце XX – начале XXI вв. особенности феномена двоевластия в условиях русской революции 1917 г.

Цель статьи – исследовать генезис взглядов англоязычных исследователей по проблеме организации власти после свержения монархии в России в 1917 г.

Для достижения поставленной цели необходимо выяснить отличия в подходах представителей различных научных направлений, их мотивацию в отстаивании своих позиций, а также обоснование критики последних со стороны оппонентов.

Для ответа на главный вопрос «Как интерпретировать систему двоевластия: в виде противостояния, борьбы или как компромисса?» необходимо выстроить чёткое представление о причинах политического двоевластия, его периодизацию и эволюцию.

Исследование поставленных вопросов проводилось в соответствии с принципами историзма и системного метода, что позволило осуществить всесторонний научный анализ заявленной к рассмотрению проблемы в целом.

Тоталитарное направление

Основные теоретические аспекты тоталитарной модели интерпретации всей истории СССР, а также революционного периода в целом и феномена двоевластия в частности были разработаны и обоснованы известным американским политологом и историком Х. Арндтом [1].

Самый маститый среди «тоталитаристов» Р. Пайпс признавал двоевластие как объективную реальность русской революции. По его мнению, оно сложи-

лось спонтанно и стало возможным с появлением двух революционных актов – Петросовета и Временного комитета государственной думы (ВКГД) [9, с. 224]. Поэтому закономерно и утверждение Пайпса об окончании двоевластия в октябре 1917 г., а не раньше (например, в июле), поскольку именно в тот период Временное правительство было свергнуто, а власть в свои руки взял Совет. Пайпс акцентировал внимание на том, что последнее событие выглядело не как революционное действие, а, скорее, как логическое завершение истории двоевластия, порождённого Февральской революцией, чей потенциал был к этому времени исчерпан [10, с. 122].

По мнению Пайпса, двоевластие стало возможно вследствие 2 причин. Во-первых, лидеры прогрессивного блока Думы давно претендовали на государственную власть. Однако в силу неожиданности и стихийности начала революции в вопросе организации новой власти они проявили колебание, заняв в результате выжидательную позицию, что подтверждалось и целью создания ВКГД. Однако логика развития революции, так или иначе, заставила бы ВКГД заняться организацией власти.

Во-вторых, триггером революции был бунт воинских частей, который слился с демонстрациями рабочих. Без выступления солдат революции не было бы – такая позиция и Пайпса. Необходимо признать, что Петросовет как властный орган смог самоорганизоваться быстрее, чем ВКГД, что проявилось в издании Приказа № 1 по Петроградскому гарнизону. Цель приказа – подчинение войск Петросовету для недопущения контрреволюции. Этот приказ заставил ВКГД активизироваться (что выражалось в давлении на Николая II с целью добиться его отречения от престола). В результате, либеральные представители Думы смогли сформировать Временное правительство, которое имело некоторую легитимность в силу причастности его министров к Думе и

их известности в стране, но это правительство не имело силовой поддержки гарнизона в той степени, которую имел Петросовет. Таким образом, Временное правительство изначально оказалось в «подвешенном» состоянии, и именно поэтому его создателям пришлось идти на компромисс с Исполкомом Петросовета. Причину отказа Исполкома от формирования Временного правительства Пайпс видел в трусости его руководителей и нежелании взять на себя ответственность [9, с. 221, 224, 226, 230; 10, с. 52].

Систему двоевластия Р. Пайпс характеризует как нечто подобное взаимодействию исполнительной и законодательной власти, где Временное правительство – исполнительная власть, а Петросовет – законодательная. Однако это взаимодействие заключало в себе неустранимое противоречие, которое неизбежно вело и привело к революционной, а не эволюционной трансформации двоевластия в новую политическую систему – Совет. Это противоречие заключалось в разных представлениях о целях либералов во Временном правительстве и социалистов – в Петросовете: первые считали необходимым остановить ход политических событий на рубеже 27 февраля 1917 г.; для вторых февральские события рассматривались лишь как ступень к «настоящей», т. е. социалистической, революции [10, с. 122].

Пайпс не обращался к вопросу периодизации двоевластия, но исходя из его концепции, можно выделить 2 периода:

1. *27 февраля – сентябрь 1917 г.* (получение большевиками большинства в Моссовете и Петросовете). На данном временном отрезке двоевластие – компромисс между Временным правительством и Советами, который характеризуется отсутствием открыто враждебным противостоянием между двумя революционными акторами;

2. *сентябрь – 25–26 октября 1917 г.* (со стороны Временного правительства период характеризовался как время «без-

власть»). Власть, по мнению Пайпса, перестала существовать даже в том ограниченном смысле. Всё было готово для «контрреволюции слева» [10, с. 94]. Время двоевластия закончилось с падением Временного правительства.

Ещё один представитель тоталитарного направления, американский историк М. Малиа, также представлял двоевластие как объективную реальность революции 1917 г. По мнению М. Малиа, двоевластие возникло 2 марта с момента образования Временного правительства, действовавшего параллельно с более авторитетным в политической среде Советом [7, с. 313]. На практике это вылилось в то, что в «авангарде революции 1917 г., в отличие от 1905 г., с самого начала оказались социалисты, а не либералы» [7, с. 314]. М. Малиа оценивал Совет как структуру расплывчатую и изменчивую, и как следствие подобной ситуации – советская власть не смогла быть организационно оформлена «в государственную общность» с присущей последней управленческой структурой и системой принуждения [8, с. 115]. Малиа считает уязвимой и власть Временного правительства. Слабость последнего выражалась в его «временности», т. е. власть Временного правительства не была самодостаточной, а была зависима от другого актора – Совета. На практике это выражалось в том, что осуществление правительством своих функций находилось в зависимости от «доброй воли Совета» [8, с. 116].

Таким образом, система двоевластия в интерпретации М. Малиа заключается, с одной стороны в том, что Совет хотя и обладал властью, но не представлял собой государственной управленческой структуры. С другой стороны, Временное правительство, зависимое от Совета, не являлось полноценным правительством, обладающим всей полнотой государственной власти. Фактически Малиа придерживается точки зрения Троцкого на двоевластие – как двоебезвластие [13, с. 61–69].

М. Малиа выделяет 4 этапа двоевластия:

1. *февраль – апрель 1917 г.* – сближение позиций либералов и социалистов. Кадеты пытались не допустить радикализации ситуации, рассчитывая сосредоточить все усилия на достижении победы в войне [8, с. 116];

2. *апрель – июль 1917 г.* – появление ленинской «концепции двоевластия», основное содержание которой сводится к «борьбе пролетариата и буржуазии» и «углублению революционного кризиса». Этот период характеризуется стремительной радикализацией политической ситуации, предопределённой тем, что министр обороны – социалист А. Ф. Керенский – предпринял «демократическое наступление» на фронте, рассчитывая продемонстрировать «жизнеспособность» революционной России. С другой стороны, радикализация усилилась и из-за попытки большевиков захватить власть в июле 1917 г. [8, с. 117];

3. *июль – август 1917 г.* – рост «правой реакции» («корниловщина»), которая имела целью «покончить с двоевластием, раздавить Совет и продолжить войну» [8, с. 117]. Оценивая обстановку, сложившуюся в России в начале июля 1917 г., М. Малиа вполне закономерно приходит к выводу, что и речи не могло быть об устройстве в 1917 г. конституционного строя [7, с. 314].

4. *сентябрь – октябрь 1917 г.* – завершение двоевластия, предопределённое ростом влияния большевиков, организацией ими вооружённого восстания, используя возможности Петросовета. В этот период власть Временного правительства была только «на бумаге». И перед большевиками не существовало преград для установления полного контроля над Советом, а затем и всей полноты власти [8, с. 117].

Периодизация, предложенная Малиа, логична, обоснована, непротиворечива и объективно отражает ход исторических событий, выражает их сущность. Побе-

ду большевиков над Временным правительством Малиа считает закономерной, т. к. осенью 1917 г. не было сил, которые обладали бы реальной властью, только большевистская партия (хотя и малочисленная на тот момент) оказалась в состоянии подобрать власть и выстроить государство нового типа [8, с. 122].

Американский историк А. Улам также придерживался концепции «двоебезвластия». Возникновение 2 центров власти (Временного правительства и Петросовета) он считал «результатом... импровизаций» [14, с. 288]. Беря в кавычки слово «правительство», Улам подчёркивал отсутствие у него способности что-либо решать в период двоевластия, указывая на то, что после падения самодержавия образовался вакуум, сохранившийся до октября 1917 г. – Россия на протяжении 8 месяцев оставалась без центрального правительства.

Система двоебезвластия имела следующую характеристику: с одной стороны – политически беспомощное Временное правительство [11, с. 291], а с другой – Совет («воплощение» власти простых людей), «под внешним глянецом» которого скрывалась слабость и недееспособность [14, с. 291–292]. А. Улам намеренно не употребляет термин «двоевластие». В его интерпретации радикально настроенные представители интеллигентских кругов предложили своё видение «формы правительства», которая нашла поддержку в среде умеренных социалистов (эсеров и меньшевиков), а именно либерально настроенные представители российского общества должны взять власть в свои руки и сформировать правительство. А так называемая «революционная демократия» (Совет) откажется от участия в этих структурах [14, с. 294]. Причину отказа Совета сформировать правительство (т. е. взять власть в ходе правительственных кризисов) Улам усматривал в отсутствии среди меньшевиков и эсеров харизматической личности. Ни одна из социалистических партий, кроме

большевиков, не способна возглавить необходимые стране перемены по причине отсутствия лидера [14, с. 307].

А. Улам предлагал и обосновывал своё видение хронологии «двоебезвластия» – со 2 марта по 25 октября 1917 г.

Лакмусом современных представлений английских сторонников тоталитарного направления историографии об организации власти в России 1917 г. стал сборник: «Историческая неизбежность? Ключевые события русской революции» [4]. Его концептуальный подход соответствует представлениям современного английского научного истеблишмента о революционном процессе в России 1917 г. Реперными точками сборника выступают: германское финансирование большевиков; июльские события 1917 г. как первая попытка большевиков взять власть; октябрь 1917 г., прервавший успешный эволюционный путь развития России и погрузивший страну «в мрачные глубины тирании и массовых убийств» [4, с. 30].

Британский историк Д. Кроуфорд, написавший статью, посвящённую политическим проблемам 1917 г., считал возникновение двоевластия результатом складывания в России 2 центров власти:

1. Дума – либералы, цензовые слои общества;

2. Совет – социалисты, толпа, хаос.

Кроуфорд, размышляя о путях преодоления сложившегося в России политического двоевластия, выдвигал тезис о необходимости компромисса между Думой, Временным правительством и Советом. Исследователь акцентировал внимание на роли А. Ф. Керенского в этом процессе, поскольку последний одновременно был и заместителем председателя Петросовета и членом ВКГД. В интерпретации Кроуфорда двоевластие – компромисс, качественно отличающийся от ленинской позиции (противостояние и борьба пролетариата и буржуазии). Суть компромисса, по мнению Кроуфорда, в том, что «ВКГД вполне мог предъявить свои претензии на власть. Но его члены счи-

тали, что удержать власть во время революции в России 1917 г. возможно только сохранив благосклонное отношение к себе А. Ф. Керенского, премьера Временного правительства. Петросовет со своей стороны прекрасно понимал, что не в состоянии сформировать однородное правительство, т. к. его, Совета, власть распространялась не далее Петрограда, и среди его членов не было харизматичных личностей, способных возглавить то или иное министерство» [4, с. 103].

Заслуживает внимания позиция британского исследователя Д. Ливена: двоевластие возникло вследствие необходимости выбора тактики действий думских лидеров по отношению к возникшему Совету: или противостоять радикализированным солдатским и рабочим массам с опасностью для собственной жизни и с растратой уважения к Государственной думе среди населения столицы, или силой взять под контроль революционные силы [6, с. 406].

Думские лидеры выбрали второй вариант развития событий – пошли на компромисс с Петросоветом, как впрочем, и лидеры Петросовета. Результатом этого выбора и стало двоевластие. Отметим, что Ливен инициативу в формировании двоевластия отдаёт Думе, а не Петросовету.

Английский исследователь О. Файджес считал, что двоевластие существовало с 27 февраля по октябрь 1917 г. Власть Думы, создавшей Временное правительство, не была легитимной, т. к. не обладала формальной законностью. Реальной силой оставалось насилие [17, с. 219]. Исследователь считал Петросовет реальным соперником Думы в претензиях на власть. Более того, ВКГД сформировался в качестве реакции Думы на организацию Совета. Слабость в своих силах и неуверенность в ходе развития событий выражались в самом названии Временного комитета Думы (отсутствовал даже намёк на борьбу с царским режимом или противостоянии ему). Наоборот, Комитет заявлял о помощи царскому правительству в

восстановлении порядка. Только 1 марта представители Думы решились на какие-то действия, когда поняли, что власть ускользает из рук [17, с. 220]. Особенностью системы двоевластия Файджес считает то, что ВКГД представлял собой формальную власть и был далёк от того, что происходило на улицах. Петросовет, наоборот, был ближе к революционно настроенным слоям населения, но не обладал официальными полномочиями [17, с. 220]. Таким образом, причина двоевластия сводится к отсутствию у ВКГД легитимности при наличии легальности, а у Петросовета наоборот – отсутствие легальности при наличии легитимности.

Обоюдная слабость 2 центров власти и логика обуздания революционной стихии толкали их к сотрудничеству, а не к борьбе за доминирование. Тезис Файджеса о возникновении двоевластия 27 февраля представляется нам не совсем обоснованным, т. к. на тот момент Николай II ещё не заявил о сложении полномочий. Безусловно, возникли 2 центра власти, но – потенциальных, т. к. на 27 февраля способность влиять и управлять революцией у них была минимальной. Если Петросовет как орган самоорганизации масс ещё мог бы претендовать на статус властного центра уже 27 февраля, то ВКГД, в силу его выжидательной позиции, – не мог. По нашему мнению, 27 февраля возникли лишь предпосылки двоевластия, но в реальность оно оформилось только 3 марта (в день отказа от престола Великого князя Михаила Александровича). Период с 27 февраля по 3 марта целесообразнее считать лишь началом революции (совместные действия Петросовета и ВКГД против самодержавия, ликвидация монархии).

Таким образом, представители тоталитарного направления по-разному интерпретируют отдельные аспекты двоевластия. Однако они единодушны в хронологических рамках до октября 1917 г. – и это, на наш взгляд, не противоречит ходу исторического процесса.

Ревизионистское направление

Идеологической основой ревизионистского направления в исторической науке стал тезис исследователя Р. Арона о возможном сопоставлении капитализма и социализма в рамках общей теории модернизации [2].

В итоге ревизионизм как направление изменил предмет исторических исследований. Если для тоталитарного направления предметом исследования выступали политика, идеология, правящий режим, то в ревизионизме – общественные силы, т. е., генезис советского общества толковался как результат деятельности «снизу», а не «сверху», как проявление жизнедеятельности общества, а не вмешательства государства.

Американский историк А. Рабинович, признанный специалист исследования «революции снизу», не выделял двоевластие в отдельную тему. Главной целью для исследователя было воссоздание во всей возможной полноте именно «революции снизу» [11, с. 13]. Исходя из заявленной цели, организация и деятельность Совета оставалась для А. Рабиновича главным движущим фактором революции 1917 г. По его мнению, власть Совета к июлю 1917 г. стала преобладать над властью Временного правительства, что выражалось в создании Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих и солдатских депутатов и Исполнительного Комитета Всероссийского Совета крестьянских депутатов. Именно этим объясняются и июльские события, когда большевики рискнули перехватить инициативу в борьбе за власть, благодаря «революции снизу». Автор не исследовал глубоко и всесторонне генезис двоевластия, однако отмечал, что причина появления последнего заключалась в догматическом следовании лидеров Петросовета ортодоксальной теоретической установке о том, что за «буржуазной революцией» (т. е. за свержением самодержавия) должен начаться и эволюционировать, неопределённый, правда, по

времени, буржуазно-демократический период управления страной [11, с. 19].

Хронологически начало двоевластия А. Рабинович связывал с возвращением В. И. Ленина в Россию (апрель 1917 г.) и публикацией его «Апрельских тезисов». Закономерен и вывод Рабиновича о генезисе революции: Временное правительство не было в состоянии предоставить населению России ни мира, ни земли, чего мог сделать только Совет, который и считался по-настоящему революционной формой правительства [11, с. 20]. Таким образом, А. Рабинович в причинах появления проблемы двоевластия усматривает и субъектный фактор – роль Ленина.

В контексте генезиса двоевластия такой подход означает, что субъективная интерпретация Лениным революционных событий 1917 г. создала историографическую реальность не соответствующую реальности исторической. Мы имеем в виду тот факт, что с 27 февраля и по 7 июля при существовании 2 центров власти, явного и открытого противостояния между Советом и Временным правительством не существовало. Кроме того, лакмусом реального влияния Совета на политическую ситуацию в России, т. е. осуществления им властных полномочий, был факт подчинения во время апрельского кризиса протестующих военнослужащих только приказу Петросовета, а не Временного правительства [11, с. 23]. Июльский «разгром» большевиков, свидетельствовал о коренной смене ситуации. Однако этот «разгром» не имел катастрофических последствий – уголовное дело о «предателях большевиках» так и не было завершено, судебные решения по уголовным делам в отношении арестованных большевиков отсутствовали. Более того, во время Корниловского дела Керенский обратился за помощью именно к «предателям» – большевикам. Таким образом, по сути, в июле 1917 г. система двоевластия – онтологическое противостояние 2 центров власти – их конкуренция продолжала существовать [11, с. 81–82].

По мнению американского исследователя Л. Хеймсона (США), основу двоевластия («как прототип, если не первый эксперимент двоевластия») составила предварительная договоренность периода 1915–1916 гг. между лидерами Центрального промышленного комитета (ЦПК) и его Рабочей группой, а также либеральными элементами ценового общества (вообще) и рабочим движением (в частности) о совместных действиях против царского режима, и в конечном счёте – коалиция в революции 1917 г. [3, с. 135; 18, с. 101–109].

Таким образом, отсчёт двоевластия хронологически Хеймсон ведёт с 1915 г. И в основе двоевластия находится не конфронтация, а договоренность между буржуазией и пролетариатом.

Л. Хеймсон опровергает тезис советской историографии о предательстве интересов пролетариата руководителями Петросовета (последнее «выражалось» в их нежелании взять власть, т. е. создать Советское правительство) [18]. Он считал, что даже факт поддержки Советом Временного правительства в рамках формулы «постольку-поскольку» в принципе является признанием последнего, хоть и в определённой степени и до определённого времени. Это давало Хеймсону право считать Петросовет государственным органом, равным по статусу Временному правительству, и легитимизировать контроль Совета над политической властью и – через поддержку Советом требований рабочих – над предпринимательскими кругами [18]. Таким образом, Совет и Временное правительство являлись не только равными органами по уровню власти, но, более того, Совет контролировали Временное правительство. С одной стороны, причина двоевластия заключалась в самоорганизации снизу – Совет, а с другой – в организации сверху – Временный комитет государственной Думы Петросовета [3, с. 138; 18].

Историк Ш. Фицпатрик не оспаривает факт существования двоевластия в революции 1917 г., но оговаривается,

что феномен двоевластия – Временное правительство и Петросовет – сложился спонтанно, и правительству пришлось признать данный факт, т. к. иного выбора у него не было [16, с. 94]. По её мнению, «двоевластие» свидетельствует о наличии в революции 2 ипостасей: революции элиты и революции народа.

По мнению исследователя, «в институциональном плане» революцию элиты представляло Временное правительство, а революцию народа – Петроградский совет [16, с. 83]. Фицпатрик считает также, что Временному правительству и Совету следовало дополнять друг друга, а не соперничать в борьбе за власть, чтобы «двоевластие» могло служить источником силы, а не слабости революции [16, с. 83–84]. Действительно, до сентября 1917 г. социалисты в Петрограде и Москве поддерживали Временное правительство, а Временное правительство нуждалось в опоре на массы через Совет. Фактически это был симбиоз 2 центров власти [16, с. 88]. То, как «двоевластие» интерпретируется – борьба 2 центров власти – Фицпатрик считает иллюзией, т. к. двоевластие напоминало скорее безвластие. Причина последнего крылась в том, что русская революция эволюционировала в сторону радикализма, а революция элиты, стремясь защитить право собственности, закон, скатывалась на «консервативные позиции» [16, с. 84].

Хронология «двоевластия» у Фицпатрик представлена следующим образом: начало – 2 марта 1917 г., завершение – июльские события. Отметим, что хронология Фицпатрик схожа с Ленинской хронологией «двоевластия», но качественно отличается по содержанию. Если у Ленина конец «двоевластия» – это победа буржуазии, то у Фицпатрик – это провал «буржуазно-социалистического консенсуса», который заключался с одной стороны в радикализме «левых» сил (о чем свидетельствовали июльские события); а с другой – в радикализме «правых» сил, выразившимся в «Корниловском деле».

Результатом провала «буржуазно-социалистического консенсуса» явилось резкое падение авторитета Временного правительства.

По мнению Э. Карра, двоевластие имело эволюционную природу в силу обстоятельств, связанных с движущими силами революции, революционными центрами – Временным правительством и Петросоветом [5]. С одной стороны, власть Временного правительства опиралась на широкие слои буржуазии и чиновничества, потерявших веру в систему самодержавного управления, первый состав Временного правительства – представители этих социальных слоев [5, с. 75]. С другой стороны, «революционные» (т. е. социалистические) партии не участвовали непосредственно в осуществлении революции. Они не ожидали её и вначале революции находились в полной растерянности [5, с. 75].

Карр придерживался концепции доминирования либеральных групп населения в февральских событиях 1917 г. Вполне закономерно и его утверждение о стихийном характере процесса создания Петросовета, который «вначале... не стремился к власти» [5, с. 75]. Причину последнего Карр усматривал в отсутствии компетенции и неготовности к управлению, а также в том, что Россия, как считали лидеры Совета, созрела только для буржуазно-демократической, а не социалистической революции [5, с. 75]. Главное противоречие системы двоевластия, по мнению Карра, заключалось в том, что хотя Совет был согласен добровольно передать власть Временному правительству, однако факт, что решения Совета признавались революционно настроенным населением, наделял последнего, вне зависимости от него самого, властью. И власть Совета уже нельзя было игнорировать [5, с. 75]. Таким образом, Карр считает стихийность системообразующим фактором двоевластия.

Для создания объективного представления о системе двоевластия необходи-

мо рассмотреть организацию власти не только в Петрограде, но и в Москве, в крупнейших губернских центрах [3]. Так, американский историк Энн О’Доннел исследовал двоевластие в Москве и пришёл к заключению, что фактически в городе было безвластие. В 1917 г. во второй российской столице не существовало вообще какой-либо организованной власти. Действовали 3 городских Совета (отдельно – для рабочих, солдат, крестьян), на заседания продолжали собираться городская дума и комитет общественных организаций. «Все эти институты должны были заниматься муниципальными вопросами и управлением, – отмечал Э. О’Доннел [3, с. 36]. Однако все усилия этих структур были направлены на политическое противостояние, а не на решение конкретных дел. Ещё хуже обстояли дела в губернских центрах [12]. Таким образом, по мере удаления от центра революции – Петрограда, даже на уровне Москвы резкий рост количества органов власти свидетельствовал не о стабилизации управления, а о глубине его кризиса.

Квинтэссенцией концепции ревизионизма о революционном процессе 1917 г. стали материалы международной конференции, прошедшей в Санкт-Петербурге в 2017 г. [15]. Касательно возникновения системы двоевластия общим мнением стал тезис, что Февральская революция была комбинацией 2 революций: восстанием низов против верхов и революцией либералов против правительства [15, с. 112]. Нарратив выступлений даёт возможность говорить о 3 точках зрения на генезис революционного процесса:

1. *революция либералов против правительства*: главная роль при падении самодержавия принадлежала думским лидерам и либеральным кругам (А. Дикинс (Великобритания) [15, с. 33], А. Рабинович и Ц. Хасегава (США) [15, с. 89, 115]). Ц. Хасегава, например, вообще отрицает существование системы двоевластия, считая, что вся полнота власти была сосредоточена у Временного пра-

вительства, а Петросовет никогда не был революционной властью [15, с. 117];

2. *восстание низов против верхов*: в революционном процессе доминировали стихийные антиправительственные выступления рабочих и солдат под руководством левых партий – (Л. Сигельбаум (США) [15, с. 95–96] и Р. Суни (США) [15, с. 102–106], М. Стокдейл (США) [15, с. 97–101]). Главный тезис сторонников этой точки зрения заключается в следующем: если бы не левые партии и народные восстания, то либералы и лидеры Думы заключили бы сделку с Николаем II;

3. главную роль в падении самодержавия сыграло высшее военное руководство, а роль массовых волнений рабочих второстепенна (П. Кенез и Дж. Санборн (США) [15, с. 55, 92]). Однако триггером революции все без исключения считают или забастовочное движение 23 февраля, или переход на сторону народа армии 27 февраля.

Заключение

В англоязычной историографии к вопросу двоевластия наблюдается комплексный подход, подразумевающий то, что главными дискуссионными вопросами рассматриваемой тематики оставались характеристика причин складывания двоевластия, его хронологические рамки и его роль в русской революции.

Для тоталитарного направления зарубежной историографии общими являются идеи о необходимости рассматривать двоевластие как объективную реальность русской революции, при том, что оно – результат спонтанности политической ситуации, неожиданных политических действий. Представители данного научно-исследовательского направления акцентируют внимание на том, что двоевластие сложилось в результате того, что Совет имел возможность, но не стремился, а Временное правительство хотело, но не могло создать полнокровные центральные властные структуры; а также на том, что двоевластие – противоречие, ко-

торое неизбежно вело к революционным трансформациям общества. Хронологические рамки периода двоевластия для «тоталитаристов» однозначны – конец февраля/начало марта – октябрь 1917 г.

Сторонники ревизионистского направления историографии, хотя и не оспаривают самого факта существования двоевластия, не рассматривают его как отдельную проблему. Именно поэтому для большинства представителей «ревизионизма» при характеристике причин и содержания двоевластия важны мотивы и принципы, определяющие взгляд и оценку исследователя на русскую революцию 1917 г. в целом. То же самое и при обосновании хронологии: для кого-то из исследователей нижняя граница этого явления – март 1917 г., для кого-то – даже 1915 г. Тот же принцип и в отношении верхней границы: часть сторонников «ревизионизма» считают октябрь, часть – июль 1917 г. Все – в зависимости от подхода к хронологии русской революции в целом.

Такие историографические тенденции закономерны, т. к. интерпретации периода двоевластия наблюдается прямая зависимость от политических процессов.

Необходимо также отметить, что в проанализированной нами литературе не рассматривались возможности перспективы существования симбиоза власти либералов и социалистов. Никто из англоязычных исследователей не поддерживал (и не опровергал) того факта, что противостояние Совета и Временного правительства неизбежно вело или к «правой» или «левой» диктатуре. Тогда как бесспорен факт, что начиная с сентября 1917 г. наблюдался рост противостояния между Советом и Временным правительством, которое, в конце концов, вылилось в гражданскую войну. Проблема двоевластия содержалась внутри генезиса революционного процесса в России, в особенностях политической ситуации, позиции политических деятелей и политических партий.

Дата поступления в редакцию 08.12.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Арендт Х. О революции / пер. с англ. И. Косича. М.: Европа, 2011. 456 с.
2. Арон Р. Избранное: Измерения исторического сознания / пер. И. А. Гобозов. М.: РОССПЭН, 2004. 527 с.
3. Города империи в годы Великой войны и революции: сб. статей / ред. А. Миллер, Д. Чёрный. СПб.: Нестор-история, 2017. 520 с.
4. Историческая неизбежность? Ключевые события русской революции / пер. с англ. Л. Виноградова. М.: Альпина нон-фикшн, 2017. 414 с.
5. Карр Э. История Советской России. Кн. 1: Большеви́стская революция. 1917–1923 / ред. А. П. Ненароков. М.: Прогресс, 1990. 771 с.
6. Ливен Д. Навстречу огню. Империя, война и конец царской России / пер. с англ. П. С. Бавина. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 431 с.
7. Малия М. Локомотивы истории: Революции и становление современного мира / пер. с англ. Е. С. Володиной. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 405 с.
8. Малия М. Советская трагедия: История социализма в России 1917–1991 / пер. с англ. А. В. Юрасовского, А. В. Юрасовской. М.: РОССПЭН, 2002. 584 с.
9. Пайпс Р. Русская революция. Кн. 1. Агония старого режима (1905–1917). М.: Захаров, 2005. 480 с.
10. Пайпс Р. Русская революция. Кн. 2. Большевики в борьбе за власть (1917–1918). М.: Захаров, 2005. 720 с.
11. Рабинович А. Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде. М.: Прогресс, 1989. 416 с.
12. Рейли Д. Саратовская губерния в 1917 году: события, партии, люди / пер. с англ. Р. М. Базылевой. Саратов: Колледж, 1994. 120 с.
13. Троцкий Л. Д. Сочинения. Т. 3. 1917. Ч. 1. От февраля до Октября. М.; Л., 1924. 466 с.
14. Улам А. Б. Большевики: причины и последствия переворота 1917 года / пер. с англ. Л. А. Игоревского. М.: Центрполиграф, 2004. 510 с.
15. Февральская революция 1917 года: проблемы истории и историографии: сб. докладов междунауч. конф. / отв. ред. В. В. Калашников. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2017. 380 с.
16. Фицпатрик Ш. Русская революция / пер. с англ. Н. Эдельмана. М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. 320 с.
17. Figs O. A people's Tragedy: The Russian Revolution 1891–1924. London: Pimlico, 1996. 923 p.
18. Haimson L, Petruha R. Two strike waves in Imperial Russia // Strikes, Wars and Revolution in an International Perspective. Cambridge University Press, 1989. P. 101–166.

REFERENCES

1. Arendt Ch. *On Revolution* (Rus. ed.: Kosich I., transl. *O revolyuzii*. Moscow, Europe Publ., 2011. 456 p.)
2. Aron R. *Dimensions de la conscience historique* (Rus. ed.: Gobozov I. A., transl. *Izbrannoe: Izmereniya istoricheskogo soznaniya*. Moscow, Progress Publ., 2004. 527 p.)
3. Miller A., Cherny D., eds. *Goroda v imperii v godyu Velikoi voiny i revolyuzii* [Cities of the Empire during the Great War and Revolution: Collection of articles]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2017. 520 p.
4. Brenton T., ed. *Historically inevitable? Turning points of Russian revolution* (Rus. ed.: Vinogradova L., transl. *Istoricheskaya neisbezhnost? Klyuchevye sobytiya russkoi revolyuzii*. Moscow, Alpina nonfiction Publ., 2017. 414 p.)
5. Karr E. *The History of Soviet Russia. Book 1. The Bolshevik Revolution. 1917–1923* (Rus. ed.: Nenarokov A.P., transl. *Istoriya Sovetskoj Rossii Kn. 1. Bolshevistskaya revolyuziya 1917–1923*. Moscow, Progress Publ., 1990. 771 p.)
6. Lieven D. *Towards the flame. Empire, war and the end of Tsarist Russia* (Rus. ed.: Bavina P. S., transl. *Navstrechu ognyu. Imperiya, voyna i konez zarskoj Rossii*. Moscow, Politicheskaya Encyclopedia Publ., 2017. 431 p.)
7. Malia M. *Lokomotivy istorii: Revolyuzii i stanovlenie sovremennogo mira* [History's Locomotives: Revolutions and the Making of the Modern World]. Moscow, Politicheskaya Encyclopedia Publ., 2015. 405 p.

8. Malia M. *Sovetskaya tragediya: Istoriya sozializma v Rossii 1917–1991* [The Soviet Tragedy: A History of Socialism in Russia 1917–1991]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2002. 584 p.
9. Paips R. *Russkaya revoliuziya. Kn. 1. Agoniya starogo rezhima (1905–1917)* [The Russian Revolution. Book 1. The Agony of the Old regime (1905–1917)]. Moscow, Zacharov Publ., 2005. 480 p.
10. Paips R. *Russkaya revoliuziya. Kn. 2. Bolsheviki v borbe za vlast (1917–1918)* [The Russian Revolution. Book 2. The Bolsheviks in the struggle for power (1917–1918)]. Moscow, Zacharov Publ., 2005. 720 p.
11. Rabinovich A. *Bolsheviki prihodiat k vlasti: Revoliuziya 1917 goda v Petrograde* [The Bolsheviks come to power: The 1917 Revolution in Petrograd]. Moscow, Progress Publ., 1989. 416 p.
12. Raleigh D. *Saratov province in 1917: events, parties, people* (Rus. ed.: Bazyleva M., transl. *Saratovskaya guberniya v 1917 godu: sobatiya, partii, lyudi*. Saratov, College Publ., 1994. 120 p.)
13. Trotsky L. *Sochineniya. T. 3. 1917. Ch. 1. Ot Fevralya do Oktyabrya* [Works. Vol. 3. 1917. Part 1. From February to October.]. Moscow; Leningrad, 1924. 466 p.
14. Ulam A. B. *The Bolsheviks* (Rus. ed.: Igorevsky L. A., transl. *Bolsheviki: prichiny i posledstviya perevoro-ta 1917 goda*. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2004. 510 p.)
15. Kalashnikov V. V., ed. *Fevralskaya revoliuziya 1917 goda: problemi istorii i istoriografii* [The February Revolution of 1917: problems of History and historiography]. St. Petersburg, SPbSETU «LETI» Publ., 2017. 380 p.
16. Fitzpatrick Sh. *The Russian Revolution* (Rus. ed.: Edelman N., transl. *Russkaya revoliuziya*. Moscow, Izd-vo Instituta Gaidara Publ., 2018. 320 p.)
17. Figes O. *A people's Tragedy: The Russian Revolution 1891–1924*. London, Pimlico Publ., 1996. 923 p.
18. Haimson L, Petruha R. Two strike waves in Imperial Russia. In: *Strikes, Wars and Revolution in an International Perspective*. Cambridge University Press, 1989, pp. 101–166.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Яковлев Николай Александрович – аспирант кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного педагогического университета;
e-mail: mars1972.mars1973@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolai A. Yakovlev – Postgraduate student, Department of the History of Russia of the Middle Ages and the New Age, Moscow Region State Pedagogical University;
e-mail: mars1972.mars1973@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Яковлев Н. А. Феномен двоевластия в России в 1917 г. в англоязычной историографии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2023. № 1. С. 123–134.
DOI: 10.18384/2310-676X-2023-1-123-134

FOR CITATION

Yakovlev N. A. The phenomenon of dual power in Russia 1917 in English-language historiography. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2023, no. 1, pp. 123–134.
DOI: 10.18384/2310-676X-2023-1-123-134